

Прощание с Загорским экспериментом

М. Ю. Морозов^{1, 2}

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия*

² *Российское философское общество «Диалектика и культура», Москва, Россия*

maxdiscovery@mail.ru

Аннотация. Проблематизируется статус «эксперимент», который устойчиво используется для характеристики работы Э. В. Ильенкова и А. И. Мещерякова со слепоглухонемыми воспитанниками в Загорском интернате. Критически рассмотрены некоторые аргументы, выдвигаемые оппонентами Ильенкова. Сделана попытка выявить сущность и границы Загорского эксперимента, показать его значение, выходящее за границы дефектологии. Ставится под сомнение адекватность понимания души как неразгадываемой загадки, анализируется специфика ее понимания Ильенковым с материалистических позиций. В заключение обсуждаются вопросы, которые ставят перед теорией коммунистического идеала ее критики.

Ключевые слова: Загорский эксперимент, Э. В. Ильенков, слепоглухота, мышление, наука, душа

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-18-00130).

Для цитирования: Морозов М. Ю. Прощание с Загорским экспериментом // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 117–132. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-117-132> EDN: MJFXUQ.

Original article

Farewell to the Zagorsk experiment

M. Yu. Morozov^{1, 2}

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

² *Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia*

maxdiscovery@mail.ru

Abstract. The author problematizes the status of “experiment” that is constantly used to characterize the work of E. V. Ilyenkov and A. I. Meshcheryakov with blind deaf-mute educatees in the Zagorsk boarding school. Some arguments of Ilyenkov’s opponents are critically examined. An attempt is made to identify the nature and limits of the Zagorsk experiment, to show its significance going beyond the bounds of defectology. The adequacy of understanding of the soul as an unsolvable mystery has been questioned, and the specificity of its understanding by Ilyenkov from materialist positions is analyzed. In conclusion the author discusses the questions posed to the theory of the communist ideal by its critics.

Keywords: Zagorsk experiment, E. V. Ilyenkov, deaf-blindness, thinking, science, soul

Funding: the study has been supported by the Russian Science Foundation (project no. 24-18-00130).

For citation: Morozov M. Yu. “Farewell to the Zagorsk Experiment”. *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 117–132. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-117-132> EDN: MJFXUQ.

Введение. Против избитых фраз

Мышление, согласно Э. В. Ильенкову, начинается там, где чувственно-бессознательное сознание человека наталкивается на неподатливость внешней ему вещи как на свой предел. Без такого «спотыкания» мышление не вызывается к жизни силой необходимости; без него человек еще вполне успешно (по меркам нечеловеческих нужд) может функционировать посредством «вросших» в него алгоритмов, штампов, стереотипов. Первой задачей вхождения в ум, следовательно, становится освобождение от «власти штампа». В области чистых логических форм, которыми научное мышление «измеряет» себя (подобно тому, как автор, пишущий текст, контролирует это написание правилами грамматики), проблема столкновения с неподатливостью вещи выражается в форме противоречия. Ум, не вышедший на позицию культурного отношения к объективно возникшему противоречию, не есть ум. Без такого отношения всякое претендующее на смысловую значимость суждение остается лишь фразой.

Нетрудно увидеть, что эту мысль диалектический материалист Ильенков почерпнул

у субъективного идеалиста Фихте. Но не труднее увидеть также, что подобная категоризация мыслителей без разворачивания сути дела есть избитая фраза, лишь мнимо структурирующая (как бы «для удобства») далеко не линейное пространство мышления о мышлении. Дальше избитой фразы (содержание которой — расхожее представление) не идет, например, Ю. В. Пущаев, когда сокращается об отсутствии «у Ильенкова и *его диалектического материализма*» (курсив наш; автор цитируемой статьи, видимо, полагает, что Ильенков этот *свой* материализм придумал? — М. М.) «тайны как глубочайшей, неразгадываемой загадки» [16, с. 154]. «...В человеке по сути все должно быть видно, выразимо и измеримо по шкале культурного развития и образовательных успехов» [16, с. 154], — утверждает он, полагая, наверное, будто этим характеризует позицию материализма Ильенкова.

Преимущественно в пространстве подобных избитых фраз вращается полемика вокруг Загорского эксперимента. Даже само это ставшее устойчивым название — избитая фраза. «Какой еще эксперимент?» — удивлялся писавший о нем всю свою сознательную жизнь А. В. Суворов, участник этого

«эксперимента»¹ [18]. Он довольно верно корректирует это обыденное представление: если уж нужно оперировать не подходящим в данном случае термином «эксперимент», то под ним требуется понимать «вообще учебно-воспитательный процесс в названном детдоме, под научным руководством лаборатории изучения и обучения слепоглухонемых детей имени профессора Ивана Афанасьевича Соколянского НИИ Дефектологии АПН СССР, которой руководил один из основателей Загорского детдома, доктор психологических наук, Александр Иванович Мещеряков. <Такое> понимание представляется более логичным, соответствующим историко-научному контексту, в котором значение работы Соколянского, Мещерякова и их сотрудников со слепоглухонемыми детьми приравнивалось к значению для физики и всего естествознания синхротрона в Дубне» [18]. Аккуратно заметим, что А. В. Суворову, возможно, из-за присущей ему скромности, в определении немного не хватило точности: то, что сделано в Загорске, распространяется далеко за пределы непосредственного воспитательного процесса в детском доме. Насколько возможно без потери определенности расширение границ явления, получившего название «Загорского эксперимента»? Насколько такое расширение справедливо? В чем заключается *всеобщее* значение (сущность) этой, без сомнения, весьма *особой* педагогической ситуации?

На наш взгляд, продуктивно ставить именно такие вопросы и именно так. Только в этом случае полемика имеет смысл, хотя критики потребуют ответов по пунктам или обвинят нас в желании оставаться в области

абстрактных рассуждений. Парадоксально, что тот же Пушаев, давно занимающийся темой Загорского эксперимента, но при этом не всегда внимательный к различиям, которые принципиально важны для Ильенкова, упрекает оппонентов в «глухоте к критике» [16, с. 148]. Что тут понимается под глухотой? Нежелание отвечать на вопросы, заданные Пушаевым. *Существенны* ли эти вопросы для *сути дела*, Пушаеву, который занимает вполне определенную идеологическую позицию, не интересно; не говоря уже о другом критике Ильенкова «со стажем», Д. И. Дубровском, чей каждый новый текст о Загорске (ведь тема всё еще «горячая») всё больше напоминает не философскую статью, а остро сюжетный детектив [5].

Нам же интересно разобраться именно в *сути*. Для чего, возможно, потребуется понять сделанное и написанное Ильенковым лучше, чем понимал он сам. Предполагает ли это критику? Конечно. Но критику в том именно высоком смысле, который придала этому термину классическая философская традиция от Сократа до Гегеля и Маркса. Ведь без стремления в поиске истины выйти на сократическое основание и «снять с себя всё» (в первую очередь, конечно, то, что «лишь известно, но не познано»: еще одна избитая фраза!) останутся только деревья, за которыми не увидеть лес. Ответы по пунктам породят затем ответы на эти ответы, а после — ответы на ответы на ответы: дурная сама себя продуцирующая бесконечность, враждебная смыслу. Эта логика годится для того, чтобы набирать просмотры у видеороликов в интернете; не вполне неверным будет предположение, что и сегодняшние научные статьи часто пишутся ради «хайпа», в погоне за индексом цитирования и прочими академическими показателями.

Поверхностность претензий критиков к Ильенкову укоренена в их понимающей способности, которая принимает простоту ильенковских текстов за непосредственное выражение их сути. Именно поэтому

¹ Подобным образом и А. Н. Леонтьев откровенно отказывался от наличия у него особой «теории деятельности» [4, с. 10], которую его исследователи затем, конечно, поставят в ряд с прочими «теориями», будут рассуждать, как они соотносятся, делать доклады и писать статьи, защищать диссертации и получать ученые степени... А иначе зачем вообще нужна академическая наука?

придираться к ним легко: кажется, что Ильенков предельно прост и понятен, и там, где он обнаруживает противоречие с моей точкой зрения, его можно без труда «поправить». Но простота эта очень обманчива, как неоднократно утверждал Г. В. Лобастов [10, с. 266]. Отсюда растет огромная ответственность, которая ложится на плечи того, кто претендует на отстаивание позиции Ильенкова или на то, чтоб называться его учеником.

Вопрос о целесообразности полемики ведет к разворачиванию целого ряда проблем. Однако сразу заметим, что тон этой статьи хотелось бы избавить от лишней полемичности; впрочем, вряд ли это удастся вполне. Также мы не преследуем цель дать обзор современного состояния дискуссии о Загорском эксперименте (подобный обзору спора Дубровского и Ильенкова [17]). Прежде всего потому, что подлинно научной дискуссии о Загорске сегодня просто *нет*, так как не только предмет спора, но и сущность науки разные авторы понимают по-разному. Такова цена господствующего постмодернизма, когда «мнения всякие важны», а требование методологического единства и вопрос об истине, конституирующий философию как науку, становятся признаком дурного тона — так саморазорванность человека находит свое выражение в предельном разложении науки о мышлении. Против этой саморазорванности и направлено острое мысли Э. В. Ильенкова.

Загорский эксперимент: о значении и границах, цели и названии

Прежде прочего стоит разобраться с широко устоявшимся названием предмета обсуждения. Мы считаем, что термин «эксперимент», хотя и является доступным для приблизительного представления о деле, которое совершалось руками педагогов и воспитанников Загорского интерната, категорически не подходит для отражения его сути. Напротив, самую *суть дела (die Sache)* этот

термин, в угоду представлению, непоправимо искажает. Соответственным же сути дела было бы писать в большинстве случаев термин «эксперимент» так, как в этой вводной части — в кавычках; однако, чтобы не утомлять читателя, мы опускаем их в последующей части статьи, предполагая, что посредством этого уточнения мы достаточно определили нашу дистанцию по отношению к неудачному термину и предупредили читателя о последствиях отсутствия такой дистанции.

В проблемности этого наименования — «эксперимент» — проявляется труднейшая задача науки: понять свою собственную сущность, выяснить отношение к самой себе. Разрешить проблему демаркации силами позитивизма, как известно, не удалось — круг, начавшийся с О. Конта, который поставил вопрос о принципиальном отделении науки от религии, замкнулся П. Фейерабендом, провозгласившим принципиальную их неразличность в своем *“Anything goes”*. То, как мы мыслим сегодня науку и эксперимент, напрямую влияет на меру нашего понимания того, о чем пишет Ильенков, всю жизнь борющийся с позитивистской тенденцией в марксизме. В этом смысле как будто любопытным выглядит замечание Пущаева о скрытом позитивизме Ильенкова [16, с. 154]. Но как мыслит науку сам Пущаев? Как и другие критики Ильенкова: по образу и подобию *опытной науки*, которая начала складываться в Новое время и образцом которой до сих пор считается физика. Отсюда — рассуждения о несоответствии Загорского эксперимента троичной структуре «гипотеза / экспериментальная проверка / полученные данные»; отсюда — требование необходимости непротиворечивости данных гипотезе; отсюда — упрек, что защитники «канонической версии» эксперимента отмахиваются от большинства «фактических данных, имеющих отношение к делу» [16, с. 151]. Это последствия *мифа о тождестве науки и познания*, который, как отмечал

М. Шемек², имел тяжелые последствия для теоретического мышления [20].

С тем, что такое теоретическое (научное) мышление, критики Ильенкова, по-видимому, не знакомы. Им неизвестна напряженная проблематика отношения логического к эмпирическому (историческому), которая скрывается за гегелевской фразой о несоответствии фактов теории («тем хуже для фактов!»), которую обычно приводят как пример безграмотности и невежества философов в отношении науки. Факты не могут подтвердить гипотезу непосредственно: они всегда опосредствованы некоторым теоретическим построением, понятийный аппарат которого только и позволяет эти факты «улавливать»³. Сущность и явление никогда не совпадают непосредственно, как замечал Маркс, и наука как раз и вызывается к жизни силой необходимости показать их связь. То, что не дано увидеть глазами, можно увидеть только умом — если, конечно, ум есть, как гласит остроумный анекдотический ответ Платона кинику Диогену. Критикам Ильенкова также неизвестно, что один теоретически рассмотренный типичный случай имеет такую же доказательную силу, как и множественная «воспроизводимость результатов» (об этом замечательно пишет Ф. Энгельс в отношении тепловой машины Карно), а сама эта «воспроизводимость результатов» в столь дорогой обыденному сознанию «настоящей (читай: эмпирической) науке» носит, мягко говоря, весьма проблематичный характер — для демонстрации этого факта стоит обратиться к истории

любой из наук. Вместо этого не только далекий от науки обыватель, но и ученый, считающий себя вправе о науке и научности судить, оказывается *верующим* в науку, не утруждая себя углублением в ее действительную историю и противоречивую логику развития. О требовании непротиворечия и говорить странно — каждому, кто хотя бы пролистывал первую книгу Ильенкова, знакома так называемая проблема противоречия между первым и третьим томом «Капитала» Маркса, или проблема несовпадения цены и стоимости товара, необходимость которых показывает Ильенков. Проблеме противоречия он посвятил немало статей, которые показывают, что есть противоречия и противоречия, и без которых не понять ни направление его поисков, ни значение работы со слепоглухонемыми воспитанниками. «Задачей критиков было как следует подумать», — сокрушается Гегель в одном из предисловий к «Науке логики». Времена меняются, а критики — нет. *Sapienti sat.*

Главный недостаток критики Загорского эксперимента за ненаучность заключается в том, что измерять подлинность (т. е. соответствие *понятию*) науки схемами, почерпнутыми из *представления* о науке — *антинаучно*. Противоречиво, но факт! Причем антинаучно уже по мере подлинной науки, которую везде и имеет в виду Ильенков. Для позиции иррациональной *философии жизни*, к которой явно тяготеет Пущаев, всякая наука — это посягательство на *сокровенное и тайное*, на то, что нельзя выразить в понятии (измерить, выявить, открыть), что в этом выражении умирает, а потому живая жизнь должна оставаться загадкой⁴. Стоит открыто

² Стоит заметить, что этот практически неизвестный у нас польский философ — соратник Ильенкова, приветствовавший перевод и издание его работ в Народной Польше и оказывавший этому прямое содействие — всю свою теоретическую жизнь посвятил поиску решения проблемы сущности науки; решение это он, как и Ильенков, искал в классической философской традиции. Шемек убедительно показал, что Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель могут сказать нам о том, *что* такое подлинная наука, гораздо больше, чем вся «современная философия науки» вместе взятая.

³ Об этом — первая книга Э. В. Ильенкова [6].

⁴ Метаморфозы *сциентизма*, который выступает самосознанием опытной науки в XIX в., исследует М. Шемек [19]. Он показывает, что это самосознание оказывается идеологическим (ложным) и распадается на крайности *позитивизма* и *философии жизни*, которые оказываются взаимно дополнительными абстракциями отношения философии и опытной науки. Если позицию Пущаева можно с известными оговорками отнести ко второй, то Дубровский — яркий представитель первой.

признать, что отношение философии к науке в марксизме — как и их отношения с религией — одно из проблемных мест теории. Но нельзя не увидеть того, что акцент на науке, который делает марксист Ильенков, совсем иного характера, нежели у условного Дубровского. Можно признать, что он дает поводы толковать себя как позитивиста, упоминая «научно-экспериментальный» характер и значение воспитательной работы со слепоглухонемыми, но для этого надо полностью опустить контекст: Загорский эксперимент и работы Ильенкова о нем были одним из эпизодов долгой дискуссии о педагогике, образовании, одаренности в Советском Союзе. Придется также опустить и публицистический, направленный на популяризацию в широких массах читателей характер этих работ, который не позволял вдаваться в теоретические подробности определений того, что такое истинная наука и чем она отличается от эмпирической. Придется, наконец, опустить уточнения самого Ильенкова о том, что *экспериментом* работу со слепоглухими можно называть лишь в качестве метафоры, с большой натяжкой — только для того, чтоб читателю была понятнее серьезность происходящего. На наш взгляд, с этими условиями признавать позитивизм Ильенкова было бы слишком большим допущением, и для этого нужно иметь большее желание уязвить оппонента, чем разобраться в сути его позиции.

Загорский эксперимент — та самая машина Карно из примера Энгельса, которая действительно показывает идеальную (чистую) закономерность так же убедительно, как тысяча таких машин. В *этом* смысле, если угодно, можно считать происходившее в Загорском детдоме *experimentum crucis*, в котором представлена закономерность развития *человеческой психики вообще*, а не только решение узко-дефектологической задачи, к которой пытаются свести значение работы в Загорске «снисходительные» критики Ильенкова. Принципиальным для

последнего был именно выход за пределы узкопрофессиональной проблематики, поэтому такое *признание заслуг* с (якобы) высоты сегодняшнего дня — хуже прямой ругани, которую часто путают с критикой.

«Анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны»: Ильенков часто обращался к этому тезису Маркса. В данном случае «человеком» оказалась психика слепоглухонемого ребенка, а «обезьянами» — мы с вами, «нормальные», зрячеслышащие. Из проблем, обнаруженных в процессе воспитания слепоглухих детей, нет ни одной специфичной: «...Слепоглухота не создает ни одной, пусть самой микроскопической, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепоглухота лишь обостряет их — больше она не делает ничего» [8, с. 448]. В этом-то смысле Ильенков и Леонтьев говорили о «лупе времени» и «замедленной съемке»: воспитание (обучение, формирование, образование — лучше всего здесь подошло бы немецкое *Bildung*) слепоглухих ребятишек возвращает, предъявляет нам *наши собственные* проблемы, которые каждый родитель и воспитатель вынуждены решать — но решать бессознательно, на авось. Этого не видят критики: центральный тезис ильенковских работ о Загорске заключается вобретении обществом (благодаря деятельности загорских педагогов) творческой способности к преодолению разделения труда. Здесь расположен центр тяжести его аргументации: против увековечения разделения людей на сорта, вызванного естественными и социальными причинами, против так называемой естественной одаренности «от природы» или «от господ бога». Центр тяжести — проблема мышления и коммунизма, который, по Ильенкову, есть «общество умных людей», а значит — это одна и та же проблема. В результате эксперимента дети перестали быть «существами для эксперимента» — констатирует главное достижение А. В. Суворов [18]. Цель, ради которой, по Ильенкову, проводится Загорский эксперимент — чтобы перестали быть

«существами для эксперимента» все люди, вынужденные, как подопытные, жить в нынешних общественных обстоятельствах как в мировой экспериментальной «клетке», что преодоление этих условий *принципиально возможно*. Важнейший шаг к этому преодолению Ильенков видит в работе по «очеловечиванию» слепоглухих детей, и благодаря этому обнаружению «всеобщего в единичном» становится возможным снятие «самоотчуждения человеческой сущности», или совпадение изменения обстоятельств и самоизменения человека, что Маркс называет «революционной практикой» и что тождественно «прыжку в царство свободы». Мимо чего проходят все критики, так это мимо факта, что Загорский эксперимент *фактически* показывает возможность всестороннего развития *каждого* человека — всё остальное лишь незначительные детали, к которым относятся унижительные для воспитанников Загорска претензии о «процентах получаемой через другие каналы информации»⁵, о тотальности слепоглухоты и о высотах, на которые им (не) удалось забраться. Эти претензии основаны на отсутствии понятия, в котором история мысли сконцентрировала самое существенное для понимания человека — понятия *души*, которая объявляется или несуществующей (в позитивизме, где ее пытаются отождествить с нейродинамическими функциями), или принципиально невыразимой в понятии тайной (в философии жизни). Обе эти позиции спекулируют (если не сказать — паразитируют) на слабости научного мышления, которое только с опорой на диалектическую традицию оказалось способным эту тайну разгадать.

Тайна души и ее материалистическая разгадка

Критики, говоря о том, что «Ильенков с его диалектическим материализмом» лишает понятие души статуса глубочайшей

тайны, правы. Впрочем, в этой правоте, как всегда, на первое место выступают нюансы, которые есть не сторона, а суть дела. Во-первых, всякая наука (даже шире — всякое познание) заключается в том, чтобы демистифицировать свой предмет, лишить его статуса непознанного, разгадать его загадку. В отсутствие этой задачи деятельность познания теряет смысл, разлагает себя. Насколько разумно упрекать ученого в том, что он ученый, а философа в том, что он философ? Вопрос риторический.

Во-вторых, такое отношение к тайне не специфично для «ильенковского материализма» (что бы это ни значило) и даже не специфично для материализма вообще. Это отношение, утверждающее принципиальную познаваемость всеобщего, выражено всей линией классической философии, которая находит свое завершение в абсолютном идеализме Гегеля. Абсолютность идеализма которого, кстати, заключается не в чем другом, как в доказательстве принципиальной возможности выражения всего сущего в мысли, которая и *есть* всеобщность (принцип, первоначало), истина сущего; иными словами — мысль есть всеобщая форма действительности, развернутая *для* самой этой действительности в чистом виде: в понятийном мышлении человека она *представляет* собой истинную суть вещей.

Гегель недаром отождествляет мистическое и спекулятивное. Комментаторы редко видят здесь утверждение мощи человеческого разума, которое Гегель отстаивает в полемике со своим близким другом Шеллингом. Отождествление это означает не превращение спекулятивного (теоретического) в мистическое, а строго обратное: срыв покровы тайны с мистического, выражение его в теоретической (понимающей) мысли. Вот что Гегель пишет, например, об элевсинских мистериях: «Таким образом, религия имеет общее содержание с философией, и лишь их формы различны, дело идет поэтому лишь о том, чтобы форма понятия

⁵ А. В. Суворов в своей статье [18] развенчивает это мифологическое представление.

достигла такого завершения, которое делает возможным постижение содержания религии. Истинно лишь то, что получило название религиозных мистерий; они представляют собою спекулятивное ядро религии. У неоплатоников *μυστήν, μυστήσθαι* (быть посвященным) означает: *заниматься спекулятивными понятиями*. Под мистериями понимают, говоря поверхностно, таинственное, остающееся таковым и не делающееся известным. Но в элевзинских мистериях не было ничего неизвестного; все афиняне были посвящены в них, и лишь Сократ говорил о себе как об исключении. Единственное, что было запрещено, это — публичное ознакомление с ними чужестранцев, что многим и было, действительно, вменено в преступление; о них, как о чем-то святом, нельзя было говорить» [3, с. 131]. Поэтому если быть последовательным и стараться сохранить *таинственность* в познании, то придется вслед за материализмом Маркса и Ильенкова отбросить всю классическую философию. Странная позиция для философа; хотя кого этим сегодня удивишь?

Но именно благодаря опоре на классическую традицию только диалектический материализм и смог справиться с проблемой идеального, как подчеркивает Ильенков [7, с. 62]. Величайшее достижение «быть способным истолковать человеческую личность как тайну» [16, с. 154], которого этот материализм (к счастью) лишен, означает на деле только *полную неспособность* ее истолковать.

Ильенков вовсе не опровергает представление о душе тем, что будто бы сводит ее к формально-выразимым (измеряемым) параметрам. Он, напротив, возводит *представление* о душе в *понятие*, демонстрируя, что человек не *состоит* из души и тела, как полагает паразитирующая на представлении иррационалистическая «философия». И делает он это *вслед за Платоном и Аристотелем, за Спинозой и Гегелем*. А это подразумевает серьезное понимание того, что же под душой понимали эти «герои духа»: душа есть

форма человека; еще иначе — душа как разумная душа есть *способ бытия* человека. Тело и душа есть единство, «безразличие различного», как выражается Гегель, т. е. *тождество противоположностей*. Мистическим, таинственным здесь оказывается именно это центральное для диалектической философии мышление *противоречия*, и именно потому, что резонирующее мышление не поднимается выше рассудочно-дискурсивного. Для рассудка же диалектическое, сводящее противоположные стороны в одно, мышление всегда кажется иррациональным — и эта кажимость объективна, поскольку способность удержания противоречия в самом деле выходит за пределы рассудочной рефлексии. Поэтому рассудок и так называемые внелогические формы познания всегда неизбежно дополняют друг друга.

Если душа есть способ (форма) бытия человека — или, как выражается Маркс, его сознание есть не что иное, как осознанное бытие (*das Bewußtsein ist das bewußte Sein*) — то приведение человека в «форму человека», или очеловечивание, заключается в том, чтобы образовать (сформировать в смысле *Bildung*) его способ жизни как человеческий, а этот способ жизни образуется вместе с человеческим сознанием как его необходимым моментом. В общих чертах это и есть стержень материалистического понимания истории, и в Загорском интернате эта идея проявляется на уровне совпадения фило- и онто-генеза: доисторический человек, чтобы жить, должен прежде всего производить предметы своих ближайших (материальных) потребностей; маленький воспитанник интерната для преодоления «растительного» способа жизни должен прежде всего освоить способы самостоятельного удовлетворения ближайших потребностей. И там, и там в процессе присвоения / освоения предметов потребностей выстраивается *способ* деятельности с этими предметами, а посредством них — с внешним миром, который только в этом акте и конституируется для сознания как внешний.

Отсюда-то и вырастает опытное отношение сознания и противостоящего ему предмета (*Gegenstand*). Это «*способ-нести* вещи в субъективности» есть человеческая *способность*, примитивно-абстрактная форма которой, ее «клеточка», есть способность ориентации в пространстве — или, что то же самое, способ творения образа этого пространства. Только из этой основы, как показывает Ильенков [9] и вслед за ним Г. В. Лобастов [11], может вырасти развитая форма способности, которую мы обычно называем *душой или личностью*.

Может вырасти, если попадет в *человеческие руки*. И *проценты* (кто их считал?) остаточного зрения или слуха здесь никак не влияют на «чистоту эксперимента». Даже восстановление зрения (на которое надеется Д. И. Дубровский) само по себе *никак* не решает проблемы; наоборот, оно ее только *ставит*: неужели неизвестен критикам Ильенкова многолетний философский спор, по которому высказывались и Беркли, и Дидро? У детей-маугли со зрением всё было в полном порядке; у ребят, которых описывает в своей книге А. И. Мещеряков, сплошь и рядом сохранное зрение / слух — а каков результат? Как можно разглагольствовать о фальсификации и проходить мимо главного? Но внимательное чтение — не для критиков Ильенкова. Поможем им:

«*Фрол И.* в детский дом поступил 6 с половиной лет. Диагноз: врожденное поражение центральной нервной системы, глухонемого, недоразвитие и атрофия зрительного нерва правого глаза, бельмо роговой оболочки левого глаза. Имеется некоторое остаточное зрение, остроту которого определить не удалось. Потеря слуха в речевом диапазоне частот 70 *дб*. Дома мальчика полностью обслуживали взрослые. При поступлении он совершенно не умел ориентироваться, несмотря на остатки зрения. Никаких навыков самообслуживания у него не было. Играть не умел, игрушки бросал или складывал в кучу. Жестов не понимал и сам ими не пользовался» [14, с. 190].

Мальчишке 6 лет, он не тотально слепоглухонемой, но человеческих способностей у него не сформировалось. Наши критики уже тут как тут: то, о чем вы говорите, скажут они, это примитивный бихевиоризм! У мальчика-де может быть богатый внутренний мир (или уникальный нейродинамический код), у него есть душа, которая не проявляется во внешних действиях! Но ничто не ново под солнцем: это всё тот же старый спор о «вещи-в-себе», от которой камня на камне не оставил Гегель. *Сущность* необходимо *является*, «лишь внутреннее» есть именно по этой причине «лишь внешнее», вещь-в-себе необходимо переходит в свойство, а человек есть ряд своих поступков. Только поступок может быть подсудным моральному суждению, возражает Гегель Канту уже на поле этической проблематики; но критикам недосуг разбираться с диалектикой внешнего и внутреннего или с тонкостями нравственных теорий Гегеля и Канта. Вместо этого они будут громко обвинять Ильенкова в том, что он что-то скрыл, или свысока распекают его, что он-де недостаточно явно обратил внимание читателей на — о ужас! — вопиющие *факты*.

Но как можно *скрыть* то, о чем прямо написано в диссертации Мещерякова и в его книге 1974 г.? На этот вопрос, заданный С. Н. Мареевым, до сих пор ни один критик не дал ответа — они делают вид, что этого вопроса просто нет. Между тем, и это важно, *очеловечивание* состоит в *развитии самообслуживания*, которое переходит в *обслуживание саморазвития*: не «жить, чтобы есть», а «есть, чтобы жить». Человек должен *быть*, чтобы развиваться. Повторим еще раз: у исторического человека сначала — еда, кров, одежда; у ребенка — ложка и мыло, штаны и полотенце, а уже потом у обоих — «высоты культуры». Суть педагогической работы в Загорске — организация усилий *самих обучающихся*, чтобы эти усилия не пропали впустую, не были «помножены на ноль». Как и любой нормальный педагог, загорский воспитатель стремится прежде всего сделать

себя ученику *ненужным*. Отсюда — стимулирование саморазвития, о чем подробно пишет А. В. Суворов, комментируя стадии становления предметного совместно-разделенного действия [18]. А как сложилось обучение у маленького Фрола?

«В детском доме приступили к обучению ребенка ориентироваться, стали формировать у него навыки самообслуживания, поведения и игры, начали формирование жестов. За каникулы (мальчик поступил в мае) и за два следующих месяца первого года обучения наметились некоторые сдвиги в процессе развития ребенка. Мальчик почти самостоятельно может раздеться (со стороны воспитателя необходимо лишь побуждение ребенка к действию), выполняет отдельные операции и при одевании (воспитатель начинает одевать чулки, воспитанник продолжает надевать их дальше). Снятую одежду научился вешать на спинку стула (первое время он ее бросал на пол). Во время подготовки ко сну стал пытаться разбирать свою постель. В игре мальчик усвоил сначала лишь внешнюю сторону: например, кладет куклу на игрушечную кроватку и складывает на нее все одеяла, подушки, простыни» [14, с. 190—191].

Это только один из примеров. Конечно, возразят критики, психика-то уже сформировалась, и задача, которую решают в Загорске, — это *реактивация*. Но это возражение — чистая спекуляция в ее худшем, нефилософском значении. Это заявление идеологическое в самом точном смысле идеологии как *ложного сознания*. Оно хватается за возможность объявить «тайной» то, до чего еще не успела дотянуться познающая мысль, и закрепить эти области за собой: и уже не важно, тайна это «пока еще не расшифрованного нейродинамического кода» или тайна божественной премудрости. Но реактивация и образование «с нуля» — это одна и та же задача: задача формирования мышления⁶.

⁶ Впрочем, «формирование» — слово неподходящее. См. об этом статью [15].

Попробуйте-ка «реактивировать» психику без выявленной в работах Ильенкова и Мещерякова логики! Никакие остатки ощущений сами по себе тут не помогут. Психика, как и всякая человеческая способность, деградирует, если не воспроизводятся предпосылки ее функционирования. Поэтому-то не меняет картины факт, что зрение (слух) не отсутствует полностью или оно потеряно в раннем возрасте; психика — это постоянное воссоздание своих условий, т. е. человеческих способов обращения с предметами, «созданными человеком для человека», и если ребенку эти предметы (следовательно, способности) не нужны, то психика обязательно откатится до уровня «растительной». Гораздо хуже, когда такое происходит с большими массами «нормальных» зрячеслышащих людей — вот какой масштаб больше всего заботит Ильенкова, вот какую задачу он решает в Загорске! Слепоглухой Саша Суворов оказывается обладателем более чуткого к красоте глаза и уха, чем большинство зрячеслышащих. Последние не видят и не слышат не из-за физиологических параметров, а из-за того, что «души у них — варварские», как говорил Гераклит, а первый — видит и слышит глазами всего человечества.

В этом — ключ к пониманию результатов Загорского эксперимента. Слепоглухоту компенсирует не техническое средство реабилитации (надежда на НБИКС-конвергенцию и трансгуманизм) и не усиленная молитва (надежда на господ бога). Ее компенсирует, пишет А. В. Суворов, «только наша деятельность в культурно-историческом контексте, разумеется, осуществляемая, реализуемая всем организмом, со всеми его “сохраненными” и “остаточными” “каналами”. Но наш физиологический организм — всего лишь один из органов куда более сложного и необъятного “организма”, — человечества. Вне человечества, вне созданной им и воссозданной в индивидуальной жизнедеятельности, культуры, никакая “информация” для нас не может существовать» [18].

Общение со всем человечеством (даже когда оно представлено в форме *ложки*, которой ест ребенок) есть необходимый момент деятельности. Но общение происходит в *готовых* формах языка и предметного действия, которые надо еще *создать*. В предположении общения как ведущего фактора развития слабым остается именно этот пункт: оно мыслится *созерцательно*. Через так понятое общение и происходило бы *усвоение* культуры, а не ее *воссоздание*, которое, усвоение, и было бы чем-то вроде отпечатывания социальных форм на индивидуальном физиологическом материале. К счастью, дело обстоит не так: человек понимает, следовательно, созерцает и представляет только то, что сделал сам. Доказательство этого тезиса, общего Платону, Спинозе, Фихте и Марксу — вся долгая эмпирическая история человечества и теоретическая история философии. Общение не есть без деятельности. Ильенков на сто процентов прав: сначала труд, потом слово. Малыш в первые месяцы жизни опредмечивает прежде всего самого себя — собственное тело. Он осваивает пространство «по Марксу»: в формах предметной чувственной деятельности, субъективно. И в его чувстве — ближайшим образом в осязании, пока еще синкретически — представлен всеобщий способ человеческой жизни: представлена *логика*.

«Моя слепоглухота, — продолжает Суворов, — компенсирует не осязание само по себе, не всевозможные технические средства реабилитации, хотя без них, разумеется, я обойтись не могу. Реальный компенсирующий механизм — это вся бытовая, теоретическая, эстетическая, духовно-нравственная культура, которую мне удастся воссоздавать (а тем более впервые создавать) в моей жизнедеятельности. <...> И дело не в процентах “информации”, якобы проходящей через те или иные мифические “каналы”, а в той культуре, которая стала доступна личности. А в каком состоянии зрение и слух — это

не суть дела, а, как посмеивался Э. В. Ильенков, не очень существенные “подробности”. *Суть дела — в доступности культуры. И в той жизнедеятельности, которая эту доступность обеспечивает*» [18] (курсив наш. — М. М.).

Синхрофазотрон, с которым сравнивали Загорский детдом, — это прежде всего ускоритель. Коллектив⁷, в котором никто не чувствует себя одиноким (поскольку ушибленным), и становящееся возможным благодаря ему и в нем человеческое общение (обращение) с человеком и человечеством через включение в подлинно-культурное наследие, которые посредством совместно-разделенной деятельности «ускоряют» «очеловечивание человечества» (выражение А. В. Суворова): вот в чем настоящий смысл Загорского эксперимента.

Можно было бы написать еще много абзацев про несостоятельность рассуждений о «всесилии педагогов», о «формировании как из глины», о «педагогической стихии». Всё это легко опровергается самостоятельным непредвзятым обращением к текстам Ильенкова и Мещерякова. Можно было бы сказать больше о роли слова, общения, коллектива, провести линию от А. С. Макаренко и Л. С. Выготского к Ильенкову и Мещерякову. Можно было упомянуть и о бессильной попытке «внести разлад» в линию Выготский — Ильенков, выпятив момент различия в их взглядах. Всё это можно сделать в других статьях. Мы сосредоточимся на главном — на сути дела («доступности культуры и той жизнедеятельности, которая эту доступность обеспечивает»), которая отделяет идеал общественного развития от идеологии.

Идея, которую своей работой осуществляет Ильенков, подразумевает первоначальную ущербность («ничтожность» как *Nichtigkeit*) человеческого существа. В таком случае провокация воспитателя работает как стимул развития [13], и в этом процессе реализуется

⁷ О том же пишет и Л. С. Выготский [1].

то, что Гегель называл «хитростью разума». Идея, представители которой оппонировали Ильенкову, тоже признает ущербность человека, но под благовидным предлогом равенства предлагает эту ущербность законсервировать. Вновь прав старик Гегель: «Все, что испорчено в мире, испорчено на хороших основаниях» [2, с. 212].

Идеал и идеология. Вместо заключения

Критики Ильенкова — очень уверенные в своей правоте ученые, и именно поэтому они не знают о своем незнании. Они обвиняют Ильенкова в ненаучности, но не понимают, что такое научное мышление. Они защищают религию от ильенковского атеизма, но не утруждают себя ознакомиться с осмыслением религии у классиков мысли. Они подчеркивают идеологичность марксизма, но не представляют, что такое идеология, и тем более — что их собственная позиция насквозь идеологична.

Главным мотивом Загорского эксперимента часто называют идеологическое обоснование марксистских тезисов о примате труда и коллектива над индивидуальностью уникальной личности. Но «идеологичность» марксизма именно потому, что идеологичность в нем осознается, осмысливается, снимает себя (*sich aufheben*) как идеологию. Ложное сознание, обнаруживающее, что оно ложное, превращает (разлагает) себя в истинное. Это реализация сократовского «знаю, что ничего не знаю» в масштабе общественной формы сознания; иными словами, ум проявляет себя как ум там, где он видит свои границы. Ильенков как марксист открыто занимает партийную позицию — но это принадлежность не к политической партии, а к «партии мышления», как выражался Маркс. К партии истины, которая есть разложение конечного (мнения) в бесконечное (знание) в нем самом. Которая, разумеется, в определенных условиях доходит до выражения в действиях политических партий.

В качестве альтернативы открыто симпатизирующий Церкви Пущаев ставит христианский демократизм выше марксистского. Обоснование этого тезиса слабо и неубедительно: в земной жизни равенство может быть недостижимо (не всякий человек способен подняться к высотам культуры по причине отсутствия того или другого органа чувств), а вот на Страшном суде, весьма возможно, «именно тяжелые инвалиды окажутся лучшими заступниками для тех, кто ухаживал за ними в жизни из любви» [16, с. 154]. Это не теоретическое рассмотрение вопроса, а фантазия. Можно было бы поиронизировать над мотивом ухаживания за инвалидами из любви к заступничеству на Страшном суде. Но вместо этого мы поблагодарим Пущаева за принципиальные вопросы, которые он ставит перед теорией коммунистического идеала: считается ли человек человеком, если он не поднялся к высотам культуры? Можно ли лишать существо, из которого не получится сформировать разностороннюю личность, статуса человека? Нравственно ли в младенце до освоения первичных навыков видеть лишь «кусочек мяса»? Как в коммунистическом обществе будут относиться к абортам?

Упрекнуть Ильенкова в людоедстве, конечно, нельзя. С самого начала своей мыслительной жизни он пытался ответить на вопрос, что такое человек. И парадоксальность, с которой начинаются трудности у рассудка, здесь в том, что видимость в решениях Ильенкова и Пущаева далеко расходится с сущностью. По видимости, христианский демократизм как будто стоит выше. Его прекраснородушие, стремление видеть в любом человеке в первую очередь человека привлекает. Однако Ильенков, наследник классической философии и знаток гегелевской «Феноменологии», отлично понимал, что формального признания Другого недостаточно, что истина бессильна в форме «прекраснородушия», благого пожелания, регулятивной идеи, потустороннего идеала,

обещания загробного счастья. «Идея истины» есть главное средство воплощения «идеи блага», т. е. переустройства действительности по *эту* сторону вещей, телесности, реального, чувственного; и что другой стороны *нет вовсе*, ни у Платона, ни у Гегеля. И в этом процессе высвобождения энергии масс, задавленных гнетом частной собственности, противоположности превращаются. Религиозная проповедь, не нацеливающая на снятие разделения труда, оборачивается апологией существующего порядка, который уже не на словах — на деле разделяет людей на сорта. Человек в условиях саморазорванности мира — тот, кто может себе позволить жить по-человечески, что бы ни говорили с амвона проповедники царства божия; остальные будут вынуждены прозябать в нечеловеческих условиях — и неизбежно будут опускаться в животную форму бытия. Младенцы, о слезинках которых так печалются утонченные интеллектуалы, торгуются на черном рынке в качестве кусков мяса — уже без всяких кавычек, а иные детишки вкалывают с младенчества на кобальтовых рудниках, чтобы очередные плакальщики о роде человеческом могли посмотреть новости в своем смартфоне.

Аборты прекратятся только тогда, когда будут сформированы обстоятельства для того, чтобы *каждый* ребенок был желанным: обстоятельства, позволяющие рожать и растить детей в хотя бы минимально-человеческих *материальных* условиях; и когда обеспечено будет техническое, медицинское, хозяйственное благополучие, каждый человек не на словах, а на деле сможет стать целью, а не средством. Такое общество станет вполне человеческим, поскольку *человечным* (*menschliche* у Маркса). Но нужен ли человеческому обществу умственно отсталый ребенок, инвалид, человек, ограниченный самой природой? Да только такому обществу он и нужен по-настоящему! Ведь оно не просто *может* о нем позаботиться — оно делает это смыслом своего существования.

Равенство (о которое при усердии можно разбить лоб) по Марксу — это не формальное равенство буржуазного права. Это равенство содержательное, когда тот, кто богаче (подлинно богаче — человеческими потребностями), совместно-разделяет это богатство с тем, кто в этом нуждается. Сказать, что Ильенков выступал против этого — значит ничего не понять в его работах.

Last but not least. Что такое эти «высоты», к которым не поднялся ни один тотально слепоглухой? Это абстрактно-внешние параметры здоровья, ума, добра, красоты? Если коммунистический идеал понимается так, то его очень легко спутать с «идеалами» из противоположного лагеря, где «параметром красоты» может выступить, например, определенная форма черепа. Нет, идеал Ильенкова очень хорошо выражен Гегелем: истина есть отношение к самому себе. Истина есть самодвижение. Там, где есть самодеятельность (в высшем смысле этого слова), никакие внешние параметры больше не нужны: я сам себе самый строгий судья. Высота эта определяется собственным движением — его уникальной траекторией — каждого индивида, хотя и по логике всеобщих форм. В этом — противоречивая, диалектическая природа этого процесса. Всестороннее развитие — это не «развитие всех сторон» (оно не всестороннее, а много-одно-стороннее, да и не развитие вовсе). Развитие — это основывающееся на понятии разрешение противоречия, которым являешься ты сам, противоречие самотворения⁸. Это противоречие общества во мне самом, разрешающее себя отношение всеобщего и особенного; в пределе, который высвечивает Ильенков своей «Космологией духа», это мое *Я*, несущее в себе всё мировое целое. Вот эта-то мерка и есть абсолютная.

⁸ Вероятно, в форме идеи познания его выражает сократовское «знаю, что ничего не знаю», а в форме идеи блага — христианское «возлюби врагов своих». Далеко не случайно, что между принципом «познай самого себя» и христианским утверждением бога как любви, при всем их различии, существует глубокая связь [12, с. 11–25].

А что ни один человек — даже слепоглохой с тяжелой умственной отсталостью — не является необучаемым, неразвиваемым (пускай поначалу и в форме внешнего воздействия), это Загорский «эксперимент» доказал вполне убедительно⁹. Есть различные формы реализации себя, и так или иначе они связаны с достижением пресловутых «высот». Ключевое здесь — общение как общение, процесс обществления, в котором возникает потребность быть ценным, желанным для общества, *дарить* себя другим людям и иметь возможность это делать [12, с. 4—10]. И не надо ждать Страшного суда: тяжелый инвалид может «принести пользу» обществу, подарив кому-то смысл жизни здесь, на грешной земле. Для кого-то высота культуры — это получить профессию, обрести друзей и семью. Для кого-то — зажечь новые звезды. А для кого-то — обучиться отдельным поведенческим навыкам. Не в этом ли суть евангельской притчи о талантах? «От каждого по способностям»: и хотя способности развиваются, а сам этот процесс — противоречив, не видеть этого — значит выставлять напоказ свой снобизм и лицемерие, которое так или иначе просвечивает сквозь кроткую внешность «добреньких» благодетелей.

«Нельзя жить в обществе и быть свободным от него». В обществе классово-антагонистическом всякая позиция в своем пределе фиксирует себя в том или ином положении по отношению к движению истории. И мнимая претензия на объективность, попытка говорить от имени чистой науки,

⁹ «Цель учебно-воспитательного процесса в Загорском детдоме, согласно А. И. Мещерякову — “формирование системы целенаправленного поведения”. Эта цель достижима не для всех ребят. Но даже слепоглохонемых детей с тяжелой умственной отсталостью, с тяжелыми органическими поражениями мозга, удается научить хоть чему-то, — не системе целенаправленного поведения, так отдельным поведенческим навыкам, пусть и выполняемым не спонтанно, а по сигналу педагога. *Хоть чему-то* удается научить *всех*, и в этом смысле, — делает А. И. Мещеряков ошеломляющий вывод, — необучаемых, то есть совсем, абсолютно необучаемых, ничему не научаемых, детей — *не существует*» [18].

чистого искусства, чистой религии, иными словами — попытка занять позицию «над схваткой», не занимая никакой позиции — это тоже выбор определенного положения в исторической системе координат. В полемике по поводу Загорска сталкиваются два мировоззрения, которые отчетливо противопоставлены. По одну сторону оказывается радикальный демократизм Ильенкова и Мещерякова, вырастающий не из «марксистской утопии», нет — из всей классической традиции мысли и чувства, из Платона и Гегеля, из Данте и Шекспира. По другую — парадоксально пожимают друг другу руки технократический трансгуманизм и православная набожность. Их разделяет отношение к истине, которая есть процесс утверждения собственных определений (Добра, Свободы, Красоты) в самой действительности — процесс превращения царства необходимости в царство свободы. Только в контексте этого процесса может идти продуктивное обсуждение проблем, поднимаемых Ильенковым в работах о воспитании слепоглохих. А с бессмысленной полемикой вокруг «Загорского эксперимента», как и с самим этим названием, пора попрощаться.

Список литературы и источников

1. **Выготский Л. С.** Коллектив как фактор развития дефективного ребенка // Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. Т. 5: Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983. С. 196—218.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Сочинения: [в 14 т.]. Т. 1: Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. СП, 368 с.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. 349 с.
4. Диалоги о/в поле смыслов: к 120-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева / А. Г. Асмолов, Е. В. Битюцкая, Б. С. Братусь и др. // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2023. Т. 46. № 2. С. 5—22. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13EDN:YSEQMQ>.
5. **Дубровский Д. И.** Феномен слепоглохоты. Еще раз о Загорском эксперименте (о фактах фальсификации, ее защитниках и об

- актуализации проблемы) // *Философские науки*. 2018. № 1. С. 89—117. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-1-89-117> EDN: YPNZJO.
6. **Ильенков Э. В.** Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 285 с.
  7. **Ильенков Э. В.** Диалектика идеального // *Логос*. 2009. № 1 (69). С. 6—62. EDN: TJIGYX.
  8. **Ильенков Э. В.** Письмо А. В. Суворову // *Философия и культура: [сб.] / Э. В. Ильенков*. М.: Политиздат, 1991. С. 446—448.
  9. **Ильенков Э. В.** Психология / публ. [с предисл.] А. Г. Новохатько // *Вопросы философии*. 2009. № 6. С. 92—105. EDN: КМКЛАВ.
  10. **Лобастов Г. В.** Ильенков как проблема // *Образ Эвальда Ильенкова в воспоминаниях: [сб.] / авт.-сост. Г. Лобастов*. М.: Русская панорама, 2024. С. 244—276.
  11. **Лобастов Г. В.** Субъектность как проблема Я. М.: Русская панорама, 2023. 328 с.
  12. **Лобастов Г. В.** Философско-педагогические этюды. М.: Микрон-принт, 2003. 329 с. EDN: TLZVEJ.
  13. **Мареева Е. В.** «Загорский эксперимент» и проблема врожденных способностей человека // *Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право*. 2016. № 10 (231). С. 190—194. EDN: WJGIOP.
  14. **Мещеряков А. И.** Слепозрячие дети: Развитие психики в процессе формирования поведения. М.: Педагогика, 1974. 327 с.
  15. **Морозов М. Ю.** Культура или культивирование. Э. В. Ильенков о противоречиях образовательного процесса // *Вестник МГУКИ*. 2024. № 2 (118). С. 46—55. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-46-55> EDN: IWKZZR.
  16. **Пуцаев Ю. В.** Еще раз о невыученных уроках Загорского эксперимента (ответ А. Д. Майданскому) // *Вопросы философии*. 2019. № 8. С. 146—157. <https://doi.org/10.31857/S004287440006052-2> EDN: BIOANH.
  17. **Самарский А. Ю.** Проблема идеального: о современном состоянии спора Э. В. Ильенкова с Д. И. Дубровским // Э. В. Ильенков: *Идеальное. Мышление. Сознание: материалы XIV Междунар. науч. конф. «Ильенковские чтения — 2012»* (Москва, 12-13 апр. 2012) / [под ред. Е. В. Мареевой]. Ч. 2. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 12—21.
  18. **Суворов А. В.** Уроки Загорского эксперимента в контексте тифлосурдопсихологии [Электронный ресурс] // *Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru*. 2015. Т. 6. № 2015-1. URL: https://psyjournals.ru/serialpublications/pj/archive/2015_1/76169 (дата обращения: 23.11.2024).
  19. **Siemek M. J.** „Nauka“ i „naukowość“ jako ideologiczne kategorie filozofii // *Racjonalność. Nauka. Społeczeństwo / red. H. Kozakiewicz, E. Mokrzycki, M. J. Siemek*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. S. 255—274.
  20. **Siemek M. J.** Poznanie jako praktyka (Prolegomena do przyszłej epistemologii) // *Marksizm w kulturze filozoficznej XX wieku / red. M. J. Siemek*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. S. 9—24.

References

1. Vygotskiy L. S. “Community as Factor of a Defective Child’s Development”. *Osnovy defektologii*. By L. S. Vygotskiy. Moscow: Pedagogika, 1983. 196—218. (In Russian). Vol. 5 of *Sobraniye sochineniy*. 6 vols.
2. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *The Science of Logic*. Transl. G. Di Giovanni. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 866 p. Cambridge Hegel Translations.
3. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *Lectures on the History of Philosophy*. Vol. 1. Transl. E. S. Haldane. Introd. by F. C. Beiser. Lincoln, NE: Univ. of Nebraska, 1995. 487 p.
4. Asmolov A. G., Bityutskaya E. V., Bratus B. S., Leontiev D. A., Ushakov D. V. “Dialogues On/In the Field of Meanings: To the 120th Anniversary of Alexey Nikolayevich Leontiev”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14: Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin* 46.2 (2023): 5—22. (In Russian). <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13>
5. Dubrovsky D. I. “The Phenomenon of Deafblindness. Once Again about the Zagorsk Experiment (on the Facts of Falsification, Its Defenders and on the Actualization of the Problem)”. *Filosofskiye nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences* 1 (2018): 89—117. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-1-89-117>
6. Ilyenkov E. V. *The Dialectics of the Abstract and the Concrete in Marx’s Capital*. Transl. S. Syrovatkin. Delhi: Aakar Books, 2008. 294 p.
7. Il’yenkov E. V. “Dialectics of the Ideal”. *Logos* 1 (69) (2009): 6—62. (In Russian).
8. Il’yenkov E. V. “Letter to A. V. Suworov”. *Filosofiya i kul’tura: [collection]*. By E. V. Il’yenkov. Moscow: Politizdat, 1991. 446—448. (In Russian).
9. Ilienkov E. V. “Psychology”. Publ. [with an introd.] by A. G. Novokhat’ko. *Voprosy filosofii*

- 6 (2009): 92—105. (In Russian).
10. Lobastov G. V. “Il’yenkov as Problem”. *Obraz Eval’da Il’yenkova v vospominaniyakh*: [collection]. Auth. and comp. G. Lobastov. Moscow: Russkaya panorama, 2024. 244—276. (In Russian).
  11. Lobastov G. V. *Agency as Problem of Ego*. Moscow: Russkaya panorama, 2023. 328 p. (In Russian).
  12. Lobastov G. V. *Philosophical and Pedagogical Studies*. Moscow: Mikron-print, 2003. 329 p. (In Russian).
  13. Mareyeva E. V. “‘Zagorsk Experiment’ and the Problem of ‘Congenital’ Human Abilities”. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Belgorod State University Scientific Bulletin ser. Philosophy. Sociology. Law* 10 (231) (2016): 190—194. (In Russian).
  14. Meshcheryakov A. I. *Blind Deaf-Mute Children: Mental Evolution during Behavior Shaping*. Moscow: Pedagogika, 1974. 327 p. (In Russian).
  15. Morozov M. Yu. “Culture or Cultivation. E. V. Ilyenkov on the Contradictions of the Educational Process”. *Vestnik MGUKI = Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts* 2 (118) (2024): 46—55. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-46-55>
  16. Putschaev Yu. “Again About the Unlearned Lessons of the Zagorsk Experiment (an Answer to A. D. Maidanskiy)”. *Voprosy filosofii* 8 (2019): 146—157. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440006052-2>
  17. Samarskiy A. Yu. “Problem of the Ideal: On the Current State of Dispute between E. V. Il’yenkov and D. I. Dubrovskiy”. *E. V. Il’yenkov: Ideal’noye. Myshleniye. Soznaniye: materialy XIV Mezhdunar. nauch. konf. “Il’yenkovskkiye chteniya — 2012”* (Moskva, 12–13 apr. 2012). [Ed. by E. V. Mareyeva]. Pt. 2. Moscow: Modern Univ. for the Humanities Publ., 2012. 12—21. (In Russian).
  18. Suvorov A. V. “Lessons of the Zagorsk Experiment in the Context of Tiflo-Surdo-Psychology”. *Elektronnyy sbornik statey portala psikhologicheskikh izdaniy PsyJournals.ru = E-Proceedings [of] PsyJournals.ru Psychology Review* 6.2015-1 (2015): n. pag. *PsyJournals*. (In Russian). Web. 23 Nov. 2024. <https://psyjournals.ru/serialpublications/pj/archive/2015_1/76169>.
  19. Siemek Marek J. „,Nauka‘ i ,naukowość‘ jako ideologiczne kategorie filozofii“. *Racjonalność. Nauka. Społeczeństwo*. Red. H. Kozakiewicz, E. Mokrzycki, M. J. Siemek. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. 255—274. (In Polish).
  20. Siemek Marek J. „Poznanie jako praktyka (Prolegomena do przyszłej epistemologii)“. *Markszizm w kulturze filozoficznej XX wieku*. Red. M. J. Siemek. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. 9—24. (In Polish).

Информация об авторе

Морозов Максим Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, 119606, Москва, пр. Вернадского, 84, стр. 2); участник Российского философского общества «Диалектика и культура» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, 247-30). ORCID: 0000-0001-9772-642X. SPIN-код: 3326-2506.

Information about the author

Maxim Yu. Morozov — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Theoretical Sociology and Epistemology of Faculty of Philosophy and Sociology of Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, 119606, Moscow, Vernadsky ave., 84, bldg. 2); member of the Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture” (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, 247-30). ORCID: 0000-0001-9772-642X. SPIN code: 3326-2506.

Статья поступила в редакцию 26.11.2024.

The article was submitted 26.11.2024.